

И С Аксаков

Славянофильство и западничество 1860-1886

Том 2

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
А41

А41 **Аксаков И.С.**
Славянофильство и западничество 1860-1886: Том 2 / И С Аксаков – М.: Книга по Требованию, 2013. – 838 с.

ISBN 978-5-518-04716-7

Статьи из "Дня", "Москвича" и "Руси".

ISBN 978-5-518-04716-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ронахъ и примѣненіяхъ, и притомъ ученія въ высшей степени самобытнаго и народно-Русскаго. И въ этомъ-то заключается причина, почему публицистическія статьи И. С. не только могли имѣть значеніе для современныхъ ему читателей, но можетъ-быть еще болѣе будутъ имѣть для поколѣній позднѣйшихъ, воспитывая ихъ въ духѣ самобытнаго, народнаго Русскаго воззрѣнія. Другая черта, по которой статьи И. С. могутъ представлять не временный только публицистическій, но болѣе прочный, художественно-литературный интересъ, заключается въ самой ихъ внѣшней формѣ—въ изложеніи. Наслѣдникъ лучшихъ литературныхъ традицій, человекъ съ высоко-развитымъ эстетическимъ вкусомъ и природнымъ, можно сказать, наслѣдственнымъ литературнымъ талантомъ, строгій читатель и блюститель достоинства литературной формы, чистоты и изящества языка, И. С., въ своихъ статьяхъ, даже писанныхъ и наскоро и подъ особеннымъ вліяніемъ какихъ-либо возбуждавшихъ и волновавшихъ его настроеній и чувствъ, никогда не допускалъ перышливости, небрежности, необработанности и тѣмъ болѣе чего-либо нравственно-нечистаго и недостойнаго. Въ полномъ собраніи сочиненій эти черты литературной дѣятельности И. С. выдаются еще цѣльнѣе и вышуклѣе, чѣмъ въ отдѣльныхъ публицистическихъ статьяхъ. Не говоримъ о другихъ, чисто-нравственныхъ свойствахъ литературной дѣятельности И. С., такъ отличавшихъ ее въ ряду другихъ произведеній публицистической литературы: о постоянно возвышенномъ духовномъ настроеніи, съ какимъ онъ писалъ свои статьи, о серьезнѣйшемъ, можно сказать—благоговѣйномъ отношеніи къ служенію *публициста*, непреклонной честности, гражданскомъ мужествѣ, свободѣ, искренности,

независимости убѣжденій, горячности и одушевленія, съ какими онъ раскрывалъ свои задушевные идеи и отстаивалъ дорогіе народныя интересы. По всѣмъ этимъ свойствамъ статьи И. С. всегда и, независимо отъ ихъ содержанія и тѣхъ частныхъ поводовъ, по которымъ онѣ писаны, навсегда останутся образцовыми произведеніями, имѣющими не временный только публицистическій, но и общій литературный интересъ. Поэтому есть основаніе думать, что изданіемъ собранныхъ статей И. С. не только удовлетворяется желаніе ближайшихъ къ нему, любившихъ и любящихъ его людей, но и выполняется серьезный литературный и общественный долгъ.

Статьи и въ этомъ томѣ, какъ и въ прежде вышедшемъ („Славянскій вопросъ“) располагаются въ хронологическомъ порядкѣ, какъ онѣ печатались въ газетахъ „День“, „Москва“ и „Русь“. Въ издаваемомъ томѣ, по заявленію нѣкоторыхъ изъ читателей, надъ каждою статью сдѣлано краткое заглавіе. Этими заглавіями, конечно, не обнимается вполнѣ содержаніе статей, но они все-таки могутъ служить нѣкоторымъ пособіемъ для читателей, которые затрудняются разбираться въ большой книгѣ съ предметами разнообразнаго содержанія.

СТАТЬИ ИЗЪ ГАЗЕТЫ „ДЕНЬ“.

1861 г.

(ПЕРЕДОВЫЯ СТАТЬИ).

Возвратъ къ народной жизни путемъ самосознанія.

Москва, 14-го октября.

Мелкій дождь моросить не переставая; сыро, мокро, скользко, сѣрый туманъ, какъ войлокъ, облегаетъ небо; воздухъ тяжелъ и удушливъ; холодно, жутко, кругомъ грязь и слякоть. земля какъ болото, все рыхло, все лѣзетъ врозь Осень

Безотрадно путнику. Но что же внезапно, сквозь туманную чашу воздуха, поражаетъ и приковываетъ, и радуетъ его взоръ, и какъ-то свѣжить и молодить душу?.. Это озими, это изумруды полей въ черной рамѣ осенней грязи, это зеленые всходы будущей жатвы, молодые ростки добрыхъ хлѣбныхъ зеренъ!

И мы всею душой, всеѣмъ сердцемъ, — душой, наболѣвшей отъ долгаго тщетнаго ожиданія, сердцемъ, неустававшимъ любить и вѣрить, — съ радостнымъ упованіемъ привѣтствуемъ молодые, зеленые всходы Русской земли, первые шаги пробуждающейся народной жизни! Для насъ, въ современной дѣйствительности, дѣйствительно только одно — подъемъ народнаго духа, проснувшійся, ожившій, повеселѣвшій народъ. 19-мъ февраля 1861 года начинается новое лѣтосчисленіе Русской исторіи...

Внѣ народной почвы нѣтъ основы, внѣ народнаго нѣтъ ничего реальнаго, жизненнаго, и всякая мысль благая, всякое

учрежденіе, не связавшееся корнями съ исторической почвой народной, или не выросшее изъ нея органически, не даетъ плода и обращается въ ветопь. Все, что не зачерпываетъ жизни—скользить по ея поверхности и тѣмъ самымъ уже осуждено на безсиліе и становится ложью. И сколько накопили мы лжи въ теченіе нашего полуторастолѣтняго разрыва съ народомъ! Это не значитъ, чтобы до разрыва не было у насъ ни зла, ни мерзостей: ихъ было много, но то были пороки, порожденія грубости и невѣжества. Только послѣ разрыва заводится у насъ *ложь*: жизнь теряетъ цѣльность, ея органическая сила убѣгаетъ внутрь, въ глубокий подземный слой народа и вся поверхность земли населяется призраками и живетъ призрачною жизнью!

И на какомъ же широкомъ просторѣ разгулялась, да еще и разгуливаетъ эта ложь! Все внутреннее развитіе: вся жизнь общества, какъ проказой, пораженъ и растлѣнъ ею. Ложь въ просвѣщеніи, чисто внѣшнемъ, лишенномъ всякой самодѣятельности и творчества. Ложь въ вдохновеніяхъ искусства, слиящагося воплотить чуждые, случайные идеалы. Ложь въ литературѣ, съ надменною важностью разрабатывающей задачи, созданныя историческими условіями, чуждыми нашей народной, исторической жизни; въ литературѣ, болѣющей чужими болѣзнями и равнодушной въ скорбямъ народнымъ. Ложь въ порпцаніи нашей народности, не въ силу негодующей, пылкой любви, но въ силу внутренняго нечестія, инстинктивно враждебнаго всякой святынь тесту и долга. Ложь въ самовосхваленіи, сопряженномъ съ упадкомъ духа и съ невѣріемъ въ свои собственныя силы. Ложь въ поклоненіи свободѣ, уживающемся рядомъ съ побужденіями самаго уютченнаго деспотизма. Ложь въ религіозности, преданности вѣрѣ, прикрывающей грубое безвѣріе. Ложь въ торжествѣ дѣлѣхъ учевій, созданныхъ безстыднымъ невѣжествомъ, безбоязненно оскорбляющимъ общественную совѣсть и не смиряющимся предъ очевидною несокрушимою крѣпостью коренныхъ основъ народной жизни. Ложь въ легкомысленной гоньбѣ за новизною подъ чужестранною фирмою прогресса и цивилизаціи. Ложь въ гуманности и образованности, которыми, въ своей систематической непослѣдовательности, щеколяетъ наше общество, допускающее, безъ разбора, самыя несовмѣстимыя на-

чала, закрывающее глаза отъ выводовъ, обходящее сознательно всѣ основные вопросы, рабски служащее исѣмъ моднымъ кумирамъ современности и выдающее за подвигъ высокаго благородства и терпимости—дешевое умѣнье замазывать, не разрывая, самыя непримиримыя противорѣчія!.. Страшное, невиданное сочетаніе ребяческой незрѣлости со всѣми недугами дряблой старости.—и при всемъ томъ — исцѣленіе возможно и даже несомнѣнно! Мы это всѣ чувствуемъ, мы даже не можемъ усомниться въ томъ искренно, и заря нашего спасенія уже брезжетъ!

Недугъ громаденъ, но соразмѣрна ему и громадна крѣпость организма. Русь сладитъ съ болѣзью. Народъ сохранялъ въ себѣ запасъ силы не потраченной, уберечь свои коренныя начала, не поддался никакимъ опаснымъ искушеніямъ и соблазнамъ, не оскятилъ добровольнымъ участіемъ и согласіемъ никакого существеннаго нарушенія своего внутренняго строя, не уложился ни въ одну заготовленную форму заграничнаго издѣлія,—и этимъ своимъ безучастіемъ, бездѣйствіемъ, этою благодѣтельной неподвижностью, такъ часто осмѣянною и непопулярною, спасъ себя и насъ, и воздѣйствовалъ на оторванныхъ своихъ членовъ... Въ насъ пробудилось сознаніе.

Да, изъ всѣхъ испытаній, пережитыхъ и переживаемыхъ Россіей, мы вынесли теперь драгоцѣннѣйшее благо, залогъ нашего будущаго выздоровленія: пониманіе нашей болѣзни, способность глядѣть ей прямо въ лицо, не отворачивая смущеннаго взора, сознаніе для, заѣдающей наши силы, и въ то же время сознаніе нашей народной сущности, сознаніе началъ, развитіе которыхъ составляетъ условіе нашего спасенія и наше призваніе въ исторіи человечества. Поблагодаримъ Провидѣніе! Въ мудромъ строеніи Божіемъ, въ общей экономіи исторіи—пережитыя нами испытанія должны занять свое законное мѣсто, принести благіе плоды, и кто знаетъ, можетъ быть этотъ самый мучительный разрывъ былъ намъ спасителемъ и нуженъ.

Почему?

Слаба, ненадежна народность, не вооруженная сознаніемъ, опирающаяся на одну непосредственность быта. Чѣмъ шире и свободнѣе отъ односторонности народныя начала, тѣмъ труднѣе воплотить соответственное ихъ выраженіе на землѣ, тѣмъ

необходимѣе полнота сознанія для правильнаго и стройнаго ихъ проявленія въ жизни.—Кажется, Провидѣнію угодно вести Россію, и не только Россію, но и всѣ славянскіе народы, этимъ особеннымъ, строгимъ путемъ развитія, путемъ, на которомъ, говоря языкомъ философовъ, анализъ возвращаетъ народы къ синтезу жизни снова, не разрушая его силы, но утверждая его и сливаясь съ нимъ въ цѣльномъ явленіи духа. Ни одно славянское племя не было освобождено отъ этого испытанія: каждое изъ нихъ, какъ извѣстно, подвергалось и подвергается опасности утратить свою народность; многія племена не выдержали и погби, но бѣльшая часть изъ нихъ возродилась или возрождается вновь труднымъ *подвигомъ самосознанія*.

Удивительное дѣло! Кажется, исчезъ народъ, самъ забылъ о своемъ существованіи. — и вотъ — каюдра ученаго изслѣдователя возвращаетъ его къ жизни, и полумертвый трупъ оживаетъ, согрѣтый солнцемъ мысли! Мы думаемъ, что племена славянскія не успокоятся, и хаосъ славянскаго міра останется хаосомъ до тѣхъ поръ, пока сюда пробужденнаго самосознанія не выработаетъ формы жизни, болѣе или менѣе соответственныя особеннымъ, внутреннимъ требованіямъ славянской народности.

Къ такому же жизненному испытанію, къ такому же духовному подвигу призвана и Россія. Мучительнымъ, медленнымъ процессомъ добывалось и у насъ наше самосознаніе, и не напрасно жили и потрудились для него подвижники Русской мысли: Кирѣевскіе, Хомяковъ и Константинъ Аксаковъ. Точка зрѣнія, добытая, поставленная и выраженная ими, составляетъ, по нашему убѣжденію, поворотную точку въ исторіи Русскаго просвѣщенія, и какъ маякъ, озаряетъ дальнѣйшій, предлежащій намъ путь развитія. Не пускаясь здѣсь въ пространныя разсужденія, скажемъ кстати, что знамя нашей газеты есть знамя Русской Бесѣды, знамя Русской народности, понятой и опредѣленной Кирѣевскими, Хомяковымъ, Аксаковымъ Константиномъ и всей такъ называемою Славянофильскою школою. Каждому безпристрастному читателю извѣстно теперь, что это ученіе, независимо отъ личныхъ уклоновъ послѣдователей, чуждо односторонности и исключительности отъносительно Запада, и что всѣ обвиненія подобнаго рода были

изобрѣтены, во время оно, недобросовѣстностью или неопытностью, а не отъ чужаго увлеченіемъ противныхъ направленій. Впрочемъ, кажется, эти обвиненія въ настоящее время едва ли уже не разсѣялись сами собою. По крайней мѣрѣ мы съ радостью видимъ, что многія изъ выработанныхъ Славянофильскою школою положеній — уже обратились теперь въ общее достояніе и нашли себѣ защитниковъ и въ другихъ органахъ нашей печати.

Но возвратимся къ предмету нашей бесѣды.

И такъ, мы имѣемъ теперь передъ собою два явленія, составляющія существеннѣйшія условія нашего будущаго развитія: съ одной стороны — плодъ полутора столѣтняго періода, выработанное сознаніе нашихъ народныхъ началъ, пребывающее однако еще въ области отвлеченной, отрѣшенной отъ жизни; съ другой, какъ бы въ соответствии этому движенію мысли, — движеніе и пробужденіе самой жизни народной, вызванное великимъ дѣломъ 19-го февраля.

Обѣ стороны, обѣ разорванныя половины подвигаются другъ къ другу, и только сляпаніе ихъ можетъ возстановить ту цѣльность общественнаго организма, безъ которой невозможны никакія правильныя отправленія жизни общенародной.

Но это сближеніе не должно быть понимаемо однимъ вліяніемъ образомъ.

Сколько ни приписывайся къ волеизъявленію, сближенія не достигнешь, пока не соединишься съ народомъ въ области духа, пока не проникнешься его основными, духовными и историческими пачалами. *Внѣ этого условія, внѣ историческаго намертвѣнія, какую бы ни взяли ноту, она будетъ фальшива, и только усилитъ всеобщій диссонансъ, отъ котораго и безъ того уже такъ давно страждетъ слухъ и не слышать голоса истины.*

Облпченіе этой лжи въ явленіяхъ, доступныхъ критикѣ, будетъ постоянною задачею нашей газеты.

Осужденность и теленгени отъ пародной стихіи.

Москва, 21-го октября.

„На неподвижномъ голубомъ просторѣ Средиземнаго моря, въ темную безлѣтенную ночь, откуда взялись — показались съ двухъ краевъ небосклона крылатые могучіе корабли. Нарушая безмолвіе ночи и сонъ потившей стихіи, они несутся стремительно и гнѣвно, они близятся, сблизились, схватились желѣзными лапами, и закипѣлъ во мракѣ ожесточенный, губительный бой. Не слышны и не видны бойцы: только звучитъ и сверкаетъ оружіе, и не донесшись къ далекимъ берегамъ, замираютъ въ пространствѣ глухія стenanія раненыхъ. И заколыхалось море: пробудились, вскинулись и стали кругомъ подводные боги: смотритъ во гнѣвъ Нептунъ, опершись на свой трезубецъ, и облокотясь на волны и съ волнами качаясь, глядя въ грозномъ недоумѣніи, прочіе властители моря. „Чего хотятъ эти незванные гости? Что значить бой, кто правый, кто виновный? Не знаемъ мы ихъ, они чужды намъ оба, они въ безумномъ ослѣпленіи осмѣлились презрѣть, они не уважили могущества державнаго бога...“ И вдругъ, разсвирѣпѣвъ, вздрогнуло, взбунтовало море, встали синія горы волнъ, разверзлись пучины, — иѣтъ ни кораблей, ни борцовъ, и поглотивъ добычу, долго, долго еще потомъ колыхалось сердитое море“

Такъ гласитъ стихотвореніе какого-то стараго нѣмецкаго поэта.

Мы вольно припомнимъ это стихотвореніе, углубляясь въ смыслъ современныхъ явленій нашей общественной... преимущественно литературной жизни. Поверхъ нашей исторической и народнои почвы, при полномъ безучастіи народнои духовной силы, также совершается борьба, но не двухъ, а многихъ враждующихъ силъ. Разныя партіи, направленія, школы, доктрины ссорятся и воюютъ другъ съ другомъ, разныя теченія мыслей встрѣчаются и пересѣкаются взаимно, много шуму и блеску, много и дѣйствительныхъ битвъ, и борцовъ молодыхъ, перазумно-благородныхъ, — и всѣ они, эти борцы, одинаково чужды тому, кому единственно принадлежитъ держава народнаго духа; также презираютъ они, не